

Владимир Набоков

В венце из лунной пыли

Я вылепил из снега великана,
дал жизнь ему и в ночь на Рождество
к тебе, в поля, через моря тумана,
я, грозный мастер, выпустил его.

Над ним кружились вороны, как мухи
над головою белого быка.
Его не вьюги создали, не духи,
а только огрубелая тоска.

Слепой, как мрамор, близился он к цели,
шагал, неотразимый, как зима.
Охотники, плутавшие в метели,
его видали и сошли с ума.

Но вот достиг он твоего предела
и замер вдруг: цвела твоя страна,
ты счастлива была, дышала, рдела,
в твоей стране всем правила весна.

Легка, проста, с душою шелковистой,
ты в солнечной скользила тишине
и новому попутчику так чисто,
так гордо говорила обо мне.

И перед этим солнцем отступая,
поняв, что с ним соперничать нельзя,
растаяла тоска моя слепая,
вся синевой весеннею сквозя.

13 декабря 1924, Берлин

При луне, когда косую крышу
лизжет металлический пожар,
из окна случайного я слышу
сладкий и пронзительный удар

музыки; и чувствую, как холод
счастья мне душу обдаёт;
кем-то ослепительно расколот
лунный мрак; и медленно в полёт

собираюсь, вынимая руки
из карманов, трепещу, лечу,
но в окне мгновенно гаснут звуки,
и меня спокойно по плечу

хлопает прохожий: «Вы забыли, —
говорит, — летать запрещено».
И, застыв, в венце из лунной пыли,
я гляжу на смолкшее окно.

6 марта 1924, Берлин